

О.Б. Божков,
olegbozh@newmail.ru

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ФОНД: методологические проблемы социологического анализа¹

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению некоторых методологических проблем, связанных с деятельностью Биографического фонда. Во-первых, это проблема информационного потенциала личных документов для социологического анализа. Исследуется природа «биографического импульса» или типология мотиваций к написанию автобиографии. Центральная (и по смыслу, и по объему) часть статьи посвящена проблемам анализа качественных данных и обоснованию их интерпретаций. Завершают статью некоторые соображения по поводу организационно-технических вопросов пополнения и развития Биографического фонда.

Ключевые слова: Биографический фонд, личные документы, методология анализа качественных данных, «биографический импульс».

Информационный потенциал личных документов

Биографический фонд — это собрание (коллекция) добровольно и безвозмездно предоставленных на хранение личных документов. Такого рода документы чрезвычайно разнообразны. Это — автобиографии, воспоминания и мемуары, дневники, записные книжки, письма, фотографии. Иногда они «подкрепляются» официальными документами — справками, дипломами, газетными вырезками и т. п. Разнообразие этих документов проявляется и в том, что их авторы — люди разного уровня образования и культуры, в разной мере владеющие (или не владеющие) литературным языком.

¹ Статья представляет собой переработанный текст доклада на методологическом семинаре СИ РАН в мае 2009 г.

Обращение к таким документам в качестве источника социологической информации обусловлено: во-первых, акцентированием внимания на повседневности и, во-вторых, интересом к механизмам социально-культурных изменений или трансформаций. Естественно, все это связано также с особенностями человеческой памяти, индивидуального восприятия разных событий и явлений, т. е. очень субъективно. Отсюда возникает существенный и принципиальный вопрос (кстати, перманентно преследующий социологию как таковую) о том, насколько достоверна информация, содержащаяся в документах такого рода? Можно ли делать какие-либо обоснованные и надежные научные выводы на основании такой информации? На этот непростой вопрос есть вполне определенный положительный ответ.

Так, Даниэль Берто считает, что «Социолог как профессионал не интересуется действиями того или иного конкретного индивида, его, прежде всего, интересует фоновый социальный контекст. Именно этот социальный контекст — будь то профессия, отрасль производства, учреждение или неформальная сеть — является объектом интеллектуального внимания и страсти социолога. Его/её задача — понять этот контекст, т. е. идентифицировать основные игры, в которые люди играют в рамках этого социального контекста, скрытые правила и ставки, внутренние механизмы и конфликтную динамику, динамику власти в этих играх. Именно в этом, по моему мнению, заключается смысл биографического подхода в социологии.

Нет необходимости говорить, что с такой точки зрения одного рассказа о жизни явно недостаточно! Никакой текстуальный анализ не позволит несоциологу, да, впрочем, и социологу эксплицировать социальные феномены и процессы на основании единичного жизненного опыта, изложенного респондентом. <...> Для того чтобы понять, опознать и проследить такие социальные феномены, нужен не только социологический разум, но и сравнение различных опытов жизни людей, принадлежащих к одной и той же социальной среде»².

«Хотя рассказы о жизни, без сомнения, являются субъективными, — продолжает Берто, — они **могут быть использованы** (выделено мной. — О.Б.) как ступени в конструировании социологических описаний и интерпретаций, которые настолько приближаются к объективному социологическому знанию, насколько это в принци-

² *Берто Д.* Полезность рассказов о жизни для реалистичной и значимой социологии // *Биографический метод в изучении постсоциалистических общества.* СПб., 1997. С. 14–15.

пе возможно. Более того, рассказы о жизни позволяют вновь ввести в социальное исследование измерение *времени* (выделение Д. Берто) и множественную темпоральность видов деятельности, что само по себе имеет огромное значение. И, наконец, хорошо спроектированная совокупность рассказов о жизни приводит исследователя к изучению конкретных взаимодействий во временной перспективе, к пониманию того, как они изменяются в течение недель, месяцев и даже поколений. Все это поможет социологам дистанцироваться как от абстрактной спекуляции, так и от фальшивки конкретности изолированных отдельных случаев³. Последнее замечание представляется мне особенно важным.

Рассуждения о субъективности личных документов часто сводятся к примитивному тезису о том, что люди склонны приукрашивать себя или попросту врать. На мой взгляд, такое суждение в корне ошибочно. Действительно, любое биографическое повествование всегда есть определенная самопрезентация. Самопрезентационное «приукрашивание» себя воплощается отбором одних эпизодов (событий, фактов) биографии и не упоминанием других; композиционным построением повествования и многими другими способами⁴, но отнюдь не прямой ложью. В этом отношении стоит прислушаться к позиции Элизабет Ноэль, которая настаивает на том, что респондент никогда не врет.

Эту же линию рассуждения о личных документах, в частности, об автобиографиях, развивает В.Б. Голофаст: «Автобиографические повествования — это яркий пример текстов с культурно ориентированным содержанием. Личная форма изложения скорее скрывает этот факт, превращая мучительную проблему идентичности (если она вообще обнаруживает себя) в более или менее канонизируемую серию попыток выделить, зафиксировать и оценить свое место в историческом потоке, как процесс непрерывного воспроизводства и структурного изменения. Силы этого потока заведомо превосходят своим многообразием и взаимосплетениями любые индивидуальные возможности, так что, если исследователю удастся преодолеть ма-

³ Берто Д. Полезность рассказов о жизни для реалистичной и значимой социологии. С. 15.

⁴ Вплоть до того, что рассказчик включает в повествование о своей жизни эпизоды из жизни других людей, но при этом он свято уверовал в то, что это происходило именно с ним, а не с кем-то другим. И это отнюдь нельзя считать ложью. Но даже такие «переносы» чужих фактов в описание своей жизни вовсе не случайны. Они свидетельствуют об интересубъективных влияниях, ведь индивид «фантазирует» так, как это принято и одобряется в социуме.

ску биографической иллюзии, любая биография становится лично обусловленным свидетельством социально-культурного, а не только жизненного мира индивида данного типа. Это значит, что любая биография **переполнена интересубъективным содержанием** (выделено мной. — О.Б.), вопреки субъективно принятой позиции рассказчика. Итак, социологическая ценность автобиографического повествования обнаруживает себя при дистанцировании, отступлении в область концептуального синтеза данного свидетельства с социальным знанием релевантных социально-культурных форм. В этом случае устанавливается перспектива **нормативного и выпадающего, обычного и странного, нового и давно освоенного** (выделено В. Голофастом) и прочих социально-культурных координат. Наивное доверие к взгляду и оценке рассказчика уступает место критическому суждению и сравнению в плоскости социального знания, а не только личного опыта и индивидуальной эмпатии и способности понимания»⁵.

Впрочем, говоря о субъективности-объективности биографических материалов, немаловажно и то обстоятельство, каким образом исследователь получает эти данные. «Автобиографии поступают к исследователю обычно двумя основными путями, — пишет В. Голофаст, — «самотеком» в ответ на обращение, либо вследствие организуемых исследователем (или другими культурными силами) курсов. Ключевое значение имеет здесь инициатива исследователя и характер его влияния на содержание автобиографических текстов и материалов. На мой взгляд, оно может быть как пренебрежительно малым, так и недопустимо большим. В последнем случае становится очевидным не только заданная исследователем тематизация автобиографических нарративов, но и реальная возможность «инсценирования», фальсификации своей биографии, наполнение её вымыслом, фантазией или ложью, продуцированных в ответ на давление исследователя. Такие опасности постоянно присутствуют в биографических интервью, где они имеют свои особенности вдобавок к давно известным плюсам и минусам исследовательских техник интервьюирования»⁶.

⁵ Голофаст В.Б. Три слоя биографического повествования // Биографический метод в изучении постсоциалистических общества. СПб., 1997. С. 23.

⁶ Голофаст В.Б. Концепции индивида и пространство биографий // Голофаст В.Б. Социология семьи. Статьи разных лет / Под ред. О.Б. Божкова. СПб.: Алетей, 2006. С. 355–356.

О природе «биографического импульса» или типология мотивации к «производству» личных документов

Словосочетание «биографический импульс» в качестве социологического понятия или термина ввел В.Б. Голофаст⁷. Этот «импульс» не часто, но возникает в различных обыденных жизненных ситуациях. Стимулом к его порождению служат юбилеи (или дни рождения), поминки, но также и другие жизненные коллизии. Скажем, воспитание детей «личным примером», т. е. на эпизодах своей собственной биографии. Или «минуты жизни трудные», когда человек оказывается на своеобразном перепутье (по-старому жить уже нельзя, а как жить по-новому — неясно) и возникает потребность в осмыслении и переосмыслении прожитого.

Характер стимула «биографического импульса», как считает целый ряд исследователей (Джек Роллер, И.Т. Крюгер, Д.У. Олпорт, Клиффорд Р. Шоу и др.) определенным образом отражается на содержании биографического материала. По этому критерию выделяются следующие разновидности биографических повествований: хроника, самооборона, исповедь, самоанализ (Д. Роллер), а также, наряду с этими типами, научная биография и наивный документ (И.Т. Крюгер).

Названные выше авторы говорят преимущественно о биографиях (или автобиографиях). В то время как Ян Щепаньский справедливо замечает, что «Другие личные документы часто выступают как вспомогательный материал. Все они, однако, заслуживают названия биографических материалов, так как во всех них отражается какой-то более или менее обширный фрагмент человеческой жизни, и все они освещают течение жизни лица, которое их написало»⁸.

В этой же работе Я. Щепаньский приводит предложенную Робертом Энджелом классификацию целей⁹, для которых могут быть использованы биографические документы.

⁷ См. Голофаст В.Б. Многообразие биографических повествований // На перепутьях истории и культуры. Труды Санкт-Петербургского филиала института социологии РАН. СПб., 1995. С. 82–116.

⁸ Щепаньский Я. Формы настоящего времени. (Ч. 5. Размышления о методе. Раздел: Биографический метод) / Пер. В.Н. Павленко. 1993.

⁹ См. Энджел Р. Критическое обозрение развития метода личных документов в социологии. 1920–1940 гг. С. 180–184.

1. Выдвижение **новых общих идей**, дающих исследованиям определенные направления. Эти общие идеи не являются конкретными гипотезами, требующими подтверждения, но скорее определенными интуициями, общими «теориями».

2. Выдвижение **совокупности гипотез** относительно конкретных явлений и процессов, а также их верификации. Такая верификация требует подробного и точного анализа документов.

3. Иллюстрация выдвинутых заранее гипотез. В этом случае, — предупреждает Энджел, — социолог подвергается искушению трактовки описаний, содержащихся в автобиографиях, как научных описаний, а данные автором факты привлекает как обоснованные, иллюстрирующие непроверенные им самим тезисы.

4. **Верификация гипотез, почерпнутых не из личных документов.** В этой ситуации личные документы рассматриваются в качестве контрольного материала.

5. **Понимание механизмов процессов**, происходящих в группах, институтах и т. п., дающее возможность представить будущее поведение на основании практического знания, стремлений и мотивов данных индивидов или групп.

6. Формирование ориентиров, когда в процессе подготовки исследований мы изучаем уже имеющиеся материалы, чтобы сориентироваться в той области, которую собираемся исследовать.

К сожалению, чаще всего применяется «менее строгий подход», когда личные документы используются в качестве почти исключительно иллюстративного материала. Что же касается практического понимания определенных процессов, механизмов их реализации, а также использования личных документов в качестве ориентационного материала, то эти целевые установки в большей мере затрагивают этап анализа и интерпретации личных документов (или — качественных данных). Конечно, анализ этой (качественной) информации и сложен, и трудоемок.

Таким образом, можно констатировать, что личные документы (и, прежде всего, автобиографии), безусловно, являются ценным источником социологической информации. При этом стоит заметить, что собственно «социологическая информация» в этих документах отнюдь не «лежит на поверхности». Извлечение этой информации — весьма непростая процедура и серьезная методологическая проблема.

О проблемах анализа качественных данных

Существуют разные взгляды на то, что содержит в себе биографический текст, написанный на естественном (в меру литературном) языке. Одни уверены, что текст этот отражает, практически без искажений, ту реальность, «которая есть/была на самом деле», и которую описывает автор. Конечно, последний вносит в эту реальность свое видение, но именно этим текст и интересен, именно поэтому, с точки зрения сторонников такой позиции, текст позволяет глубже понять эту самую реальность. Другие считают, что текст отражает не реальность, но прежде всего и почти исключительно специфическое восприятие реальности автором. При этом существенно, что любой текст есть лишь некая конструкция, более или менее похожая на реальность, но все же не сама реальность.

Заметим, что само понятие «реальность» в рассуждениях о текстах представляется неточным, ведь тексты также являют собой определенную реальность. И, наконец, имеет резонные основания и такое суждение: есть множество разнообразных реальностей, а текст — это своеобразный мост между ними¹⁰. Ибо текст — это более или менее органичное описание этих разных реальностей средствами языка. И любой человек, обладающий некоторыми навыками владения языком, оказывается в состоянии не только понять текст, но также отличить, когда речь в тексте идет об одном типе реальности, а когда — о другом или других ее типах. Наконец, текст есть средство описания, отображения и такой специфической реальности, как сам текст.

Любой тип реальности, с одной стороны, одномоментен, а с другой, — чрезвычайно подвижен. Язык позволяет не только отделить один тип реальности от другого, но и связать воедино, «остановить» одну и ту же «быстротекущую реальность», он соединяет прошлое, настоящее и будущее. Однако платой за эти «способности» текста является необходимость мобилизации огромных ресурсов: наблюдательности, умения видеть и слышать, внимательности, памяти, знаний, умения оперировать словами, умения связывать свои наблюдения в целостную картину и т. д. Таков лишь один круг проблем, связанных с анализом текстов.

Другой взгляд на текст состоит в том, что любой текст — это всегда продукт взаимодействия. Действительно, любой текст создается для того, чтобы его кто-то прочел или услышал. Следовательно, перед лю-

¹⁰ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности (Трактат по социологии знания). М.: Медиум, 1995.

бым автором встает задача сделать текст ПОНЯТНЫМ для реального (или потенциального) читателя (слушателя). Таким образом, любой текст — это всегда также и дискурс: это либо рассказ (повествование, нарратив), либо исповедь (презентация), либо беседа (интервью, собственно диалог). Проблема понимания — центральная проблема дискурса. Теория же утверждает, что для полного, адекватного понимания недостаточно одного только текста, важными компонентами оказываются разные уровни фонового и ситуативного (прежде всего внелингвистического) контекста.

Как читатели художественной литературы, обливаемся слезами над вымыслом и нисколько не задумываемся над тем, насколько представленный текст соответствует действительности. Даже «Трех мушкетеров» многие воспринимают, как исторический роман, повествующий о реальных исторических событиях. Когда же читаем биографии (автобиографии, дневники, воспоминания, семейные хроники), почему-то подчас подвергаем сомнению достоверность излагаемых фактов и искренность автора, обнаруживаем очевидные, явные «сдвиги-памяти» или абберрации сознания, и вообще относимся к тексту весьма настороженно. Начинаем рассуждать об «индивидуальной и социальной мифологии». Впрочем, придиричivé литературоведы, историки литературы (да и просто историки) и к художественной литературе относятся также подозрительно и понимают, что каждый автор, даже обращаясь к действительной истории, придерживается определенной концепции относительно исторических событий, героев истории и т. п. Для примера назовем лишь несколько имен, которые, по меньшей мере, неоднозначно трактуются не только в художественной, но и в исторической литературе: Иван Грозный, Петр Первый, с недавних пор В.И. Ленин, Наполеон, Павел I. Видно, это существенная черта профессионального подхода в любой сфере познания — сомнения, дотошность и недоверчивость.

Тем не менее, многочисленные препятствия на пути аккуратного прочтения и понимания текстов с целью познания человека и общества не закрывают вообще путь познания. И, кроме философии вопроса, которая занимает сегодня чрезвычайно много места в научной литературе (и, конечно же, очень важна), представляется необходимым искать методические средства прочтения, анализа и адекватного понимания текстов. Именно этой стороне дела, на наш взгляд, пока что внимания уделяется явно недостаточно.

Историки полагают, что документы содержат в себе важнейшие свидетельства об определенных исторических событиях. Психологи

надеются получить из них сведения о личности самих авторов документов (что особенно ценно, если автор сам по себе является «исторической» личностью). Социологи рассчитывают найти в таких документах сведения о восприятии людьми, жившими в разное время, различных социальных процессов, о степени их вовлеченности в эти процессы.

Правда, каждый из названных специалистов подходит к личным документам со своими мерками, со своими парадигмами, наконец, со своими средствами и методами их прочтения и интерпретации. Однако, несмотря на кажущиеся очевидными различия, опыты работы с текстами личных документов в чем-то схожи. И схожесть эта прежде всего в том, что в интерпретациях (историков, социологов, в меньшей степени — у психологов) преобладают авторские концепции, т. е. то, что хотят или считают нужным увидеть исследователи, а вовсе не то, что фактически есть в документах. Эта схожесть — в весьма произвольном толковании текстов.

У социологов к личным документам — огромное количество вопросов. Для примера приведу список тем, которые обнаружил Валерий Голофаст после прочтения пяти-шести десятков относительно коротких автобиографий школьников (материалы 1989–1994 гг.):

- «*«локальность жизни»: всего несколько исключений, которые дают другой кругозор — видение большого общества;*
- *близкие (кто?);*
- *поездки как события;*
- *город — деревня: практически полная регулярность;*
- *город — (пионерские) лагеря: связь с секциями и с общественными поручениями;*
- *ясли, сад: режим, дисциплина;*
- *дружба сверстников: близость психологическая, контроль эмоций, двор — знакомые сверстники, свои, круг, часто меняются, борьба за статус среди сверстников, ровесников;*
- *первый — второй ребенок: динамика отношений с родителями;*
- *раннее чтение, самообучение, домашнее образование;*
- *группировки: взрывной характер конфликтов;*
- *музыка, спорт, кружки, секции, проба сил и намерений, связь с лагерями и профориентацией, самооценкой способностей и склонностей;*
- *мужская — женская социализация, сильный традиционализм моделей;*
- *школа как административная машина: расформирование классов, школ, привязка к месту жительства, последствия, необходимость социальной и педагогической работы в переходных ситуациях;*

- болезни;
- развод в семье и др. психологические травмы;
- устойчивость, и продвижение образования, мотивация образования вообще;
- счастливая жизнь, унылая жизнь, монотонная, тревожность, страх и страхи, неврозы;
- октябрята, пионеры, комсомол: необходимость коллективных ритуалов взросления и регулирования достижения статуса среди ровесников и среди младших — старших;
- острое ощущение этапа жизни — окончание школы;
- ответственность грядущего статуса взрослого, страх ошибок и пассивность на этом этапе;
- смерть (бабушки, дедушки, прабабушки) как экзистенциальные события;
- нет предков, бабушки-дедушки почти анонимны, безличны (из-за близости, от того, что не стать в объективную, интерсубъективную позицию?);
- бесцветность образов родителей (кроме иногда, отцов, а чаще старших братьев или референтных ровесников, с которыми взрослые сравнивают его);
- очень мало общественного, исторического, международного контекста;
- нет скрытых сторон жизни (очень мало хитрости, подлости, лжи), одиночества, отклонений, нарушений — два-три раза алкоголь, сигареты...»

В этом списке есть вопросы как возможные исследовательские темы: как то, на что надо специально обратить внимание, есть и «готовые выводы», и просто наблюдения, и законченные суждения (чуть ли не рекомендации). Это скорее поток разбуженного этими текстами сознания и касающегося самых разнообразных социологических и просто житейских сюжетов, представленных здесь в полном беспорядке. Я попытался упорядочить этот список и выделил три смысловых блока:

1) темы или исследовательские вопросы, выраженные с помощью слов естественного языка (терминология еще не сложилась или показалось достаточным обозначение их на быденном «живом» языке);

2) темы или исследовательские вопросы, выраженные с помощью теоретических понятий или слов, претендующих на такой статус (локальность жизни, режим, динамика отношений с родителями и т. п.);

3) некоторые заключения, выводы или гипотезы.

При обсуждении с Валерием Голофастом содержания списка и перспектив дальнейшего развития перечисленных в нем сюжетов основной проблемой стала количественная или статистическая оценка обозначенных аспектов (при том, что о репрезентативности массива текстов, на котором сделаны эти наблюдения, не было сказано ни пол слова). Настолько сильна была еще позитивистская традиция и идеология (то бишь — парадигма).

Действительно, практически все сюжеты, обозначенные в данном списке, в той или иной мере вроде бы представлены в текстах автобиографий, но о чем говорят эти тексты? И каким образом, с помощью каких средств не только извлечь из них эту информацию, но извлечь с высокой долей уверенности, что мы имеем дело именно с этим смыслом, именно с этими фактами, а не с какими-либо иными, что мы «правильно» их интерпретируем.

И тогда возникает спектр совершенно других вопросов. Эти «другие вопросы» достаточно отчетливо обозначены в рамках других предметных областей и иных (не социологических) теорий: порождающей грамматики, семантики, лингвистики, социолингвистики, дискурса. В данных предметных областях объектом и предметом анализа оказывается сам текст, механизмы его порождения и интерпретации, проблемы значения и смысла.

Теория дискурса (Т. Van Dijk & other), например, утверждает, что существенным для понимания (и интерпретации) текста является контекст, в котором порождается этот текст. Далеко не всегда контекст (т. е. обстоятельства, в которых производится текст) находит свое прямое отражение в тексте. Но нередки и такие случаи, когда в самом тексте содержится описание некоторых ключевых аспектов контекста.

Так же теория дискурса, вслед за другими научными дисциплинами, изучающими тексты и иные продукты естественного языка, обращает внимание на то, что важным элементом и контекста, и самого текста оказывается то обстоятельство, что любой текст — есть средство и результат взаимодействия (по меньшей мере, двух) субъектов. Это обстоятельство вынуждает включать в рассмотрение подчас разнонаправленные устремления этих субъектов. В теории дискурса выделяются и такие взаимодействия, когда один или оба взаимодействующих субъекта заинтересованы не в том, чтобы другой понял его правильно, но — напротив — прилагают максимум усилий (и умений) к тому, чтобы его либо вообще не поняли, либо поняли как раз *неправильно*.

Вне зависимости от намерений говорящего и слушающего, для достижения требуемого результата, они должны выбрать или построить определенные стратегию и тактику дискурса. Причем так построить, чтобы сам дискурс выглядел вполне естественным и искренним, чтобы из него «не торчали ослиные уши». Тем не менее, как бы ни скрывалась стратегия дискурса и его тактика, их следы, так или иначе, прослеживаются в «теле» самого дискурса (текста).

Наконец, по многим параметрам текст (дискурс) не полон, ибо оба взаимодействующих субъекта не без основания полагают некоторые вещи, безусловно, известными и априорно понятными, не требующими детального описания и, тем более — разъяснения или толкования.

Таким образом, текст оказывается очень непростым, многослойным, сложно организованным образованием. А смысл текста (дискурса) находится не только в нем самом, но (в значительной мере) также и вне его — в контексте, в обстоятельствах, в способах, приемах построения, организации дискурса (текста). С одной стороны, текст оказывается избыточным, многократно дублирующим одни аспекты (элементы), но, с другой, — очевидно неполным и не достаточным: он всегда содержит «некоторые недоговоренности».

Наконец, в теории дискурса особое внимание обращается на такой элемент дискурса, как тематический репертуар, который, по мнению многих специалистов, тесно коррелирует с определенными условиями, в которых реализуется дискурс. В одних условиях и обстоятельствах уместны и/или возможны одни темы, в других обстоятельствах те же темы оказываются если не запретными, то уж во всяком случае неуместными.

И вот первая серия «других вопросов» (впрочем, она довольно тесно смыкается с традиционными социологическими вопросами):

- Каков тематический репертуар биографических материалов? Какие темы здесь оказываются запретными?
- Какие — «неудобными» для авторов автобиографий?
- Насколько детально разворачиваются те или иные темы в автобиографиях?
- Какие темы всегда или почти всегда лишь обозначаются?
- В каких единицах текста выражаются различные темы? В отдельных словах? В предложениях? В абзацах? Или в каких-либо более крупных единицах?

Обращаясь к текстам (не важно, создаем ли мы их или только потребляем), мы стремимся либо выразить какую-либо мысль, либо по-

нять окружающий нас мир. Иными словами, с помощью текстов (устных или письменных) мы ищем или обретаем смысл.

Все названные «носители смысла» ухватывают его лишь частично.

Слово (или понятие) называет, указывает, обозначает отдельные объекты различных типов реальности: вещи или предметы, чувства или состояния, оценки или отношения. В соответствии с правилами грамматики, предложение содержит «законченную мысль». Но мысль, содержащаяся в предложении (особенно в простом), сплошь и рядом и не мысль вовсе. Это лишь более или менее определенный (а иногда и не очень определенный) фрагмент.

Абзац, пожалуй, в большей мере содержит смысл, и подчас довольно сложный. Но, вот беда, наш читательский опыт показывает, что правила разделения текста на абзацы настолько неопределенны и сложны, что многие носители языка не умеют (или недостаточно хорошо умеют) ими пользоваться. Встречаются тексты, которые выглядят как один большой абзац. Кроме того, слова обладают еще одним неприятным свойством — многозначностью: одно и то же слово может обозначать, выражать разные смыслы. То же можно сказать и о предложениях.

Очевидно, смысл (если он не совсем уж примитивен) «рассыпан» по тексту и, вероятно, для того, чтобы «уловить» его, стоит попытаться найти иные способы анализа. Очевидно также, что текст (а точнее, способы, формы существования смысла) многослоен, и «препарировать» эти слои (отделять друг от друга, искать связи между ними) можно различными же способами.

Как представлен в автобиографиях контекст? По критериям «здорового смысла» определенные темы, затрагиваемые в автобиографиях, не могут обойтись без прямого и достаточно детального подчас описания контекста. Но встречаются и такие автобиографии, в которых нет почти ничего, кроме контекста.

Любой человек, описывая свою жизнь, вряд ли может обойтись без оценок. Но... в какой мере эти оценки синхронизированы с описываемыми ситуациями и объектами оценивания? Как определить, эта оценка «тогдашняя» или «нынешняя», «сиюминутная», произведенная уже во время рассказа или описания? Мотивация или аргументация этой оценки определяется критериями того времени, к которому относится оцениваемое событие, или критериями сегодняшнего дня? Одно дело, когда человек сегодня утверждает, что при советской власти мы жили хорошо, потому что сегодня он живет хуже некуда. Другое дело,

когда он свои сегодняшние оценки «вписывает» в советское время, хотя тогда те же самые объекты оценивал иначе (но он и в самом деле не помнит или не хочет помнить, как именно тогда их оценивал).

Одни биографии включают в себя почти исключительно темы и тематически подобранные факты. Другие — описания контекста. Третьи — факты в меньшей степени, а в большей их оценки; а четвертые почти не содержат фактов, они состоят из рассуждений и объяснений — факты в них используются исключительно обобщенные и только в качестве иллюстраций. Но, тем не менее, и из таких биографических материалов вырисовывается и сама жизнь человека, и его отношение к ней, и некоторые уникальные факты. Что делать с этим социологу?

Первый шаг на этом пути — аккуратное описание анализируемых текстов, выделение минимальных смыслодержущих фрагментов (элементов) текста. Мы совершенно согласны с В.Я. Проппом в том, что «Так как сказка (заметим, что сказка, о которой говорит В. Пропп — тоже текст. — О.Б.) чрезвычайно многообразна и, по-видимому, не может быть изучена сразу по всему объему, то материал следует разделить на части, т. е. классифицировать его. Правильная классификация — одна из первых ступеней научного описания. От правильности классификации зависит и правильность дальнейшего изучения. Но хотя классификация и ложится в основу всякого изучения, сама она должна быть результатом известной предварительной проработки. Между тем мы видим как раз обратное: большинство исследователей начинает с классификации, внося ее в материал извне, а не выводя ее из материала по существу»¹¹.

Таким образом, описание текста и его классификация — предтеча анализа. В качестве одного из приемов предварительного описания текста в рамках так называемой качественной парадигмы рекомендуется «плотное» (герменевтическое) чтение. На выходе предварительного описания — «реестр» тематических блоков, содержащихся в тексте.

При этом никуда не деться от решения непростой задачи концептуализации эмпирических данных. Собственно говоря, кодирование и есть простейшая концептуализация. Ведь при кодировании каждый фрагмент (элемент) текста мы соотносим с некоторым общим понятием, абстрагируясь от конкретного содержания этого фрагмента. Естественно, общие понятия, как правило, «прописаны» в определенных теоретических концепциях.

¹¹ Пропп В. Морфология сказки. Л.: ACADEMIA, 1928. С. 12.

Апологеты качественной парадигмы настоятельно рекомендуют использовать для анализа текстов метод **Grounded theory**. Обычно это словосочетание переводится на русский язык как «обоснованная теория», хотя такой перевод представляется крайне неточным. Как у основоположников этого метода, так и у отечественных его сторонников за кадром остается вопрос о том, чем же обоснована эта теория.

По сути, речь идет о том, чтобы извлечь некоторые теоретические аспекты непосредственно из текста (из «земли»). Пионеры метода «обоснованной теории» заявляют об этом прямо: «*Обоснованная теория* — это теория, которая индуктивно выводится из изучения феномена, который она представляет. То есть она создается, развивается и верифицируется в разных условиях путем систематического обзора и анализа данных, относящихся к изучаемому феномену¹²». Отнюдь не случайно, пожалуй, самыми часто употребляемыми словами у авторов метода оказываются понятия «концептуализация» и «процедура». В самом начале цитируемой книги, в главке под названием «Каковы наиболее важные компоненты качественного исследования» читаем: «Второй компонент качественного исследования состоит из различных **аналитических** или **интерпретативных процедур** (выделено авторами), которые используются для получения данных или теорий. Эти процедуры включают техники для концептуализации данных»¹³.

Принципиально важное для метода Grounded theory понятие — «теоретическая чувствительность». Здесь снова стоит обратиться к первоисточнику (а не к толкователям). «Теоретическая чувствительность, — пишут А. Страус и Дж. Корбин, — относится к личным качествам исследователя. Она указывает на осознание тонких различий значения данных. <...> Теоретическая чувствительность относится к свойству пронизательности, способности осмысливать данные, способности понимать и умению отделять подходящее от того, что таковым не является»¹⁴. Далее авторы указывают на основные источники теоретической чувствительности: литературу, профессиональный и личный опыт. Таким образом, Grounded theory — это вовсе не отказ от теории или теоретизирования, напротив, применение этого метода требует от исследователя хорошей теоретической оснащенности. Если

¹² *Страус А., Корбин Дж.* Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники / Пер. с англ. и послесловие Т.С. Васильевой. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 21.

¹³ Там же. С. 18.

¹⁴ Там же. С. 35.

же исходить из убеждения, что социолог должен выходить «в поле» не отягощенный знанием «всех тех богатств», которые до него выработала социология или смежные области знания, то «незашоренность» сознания исследователя старыми теоретическими конструкциями выступает с этой позиции важнейшим условием обнаружения нового¹⁵. Однако, на мой взгляд, невозможно «создание» теории на «голых» фактах.

Если речь идет о **научном исследовании**, то оно и на входе должно иметь некую теорию, по крайней мере — определенный концептуальный взгляд на изучаемое явление. Иными словами, в самом изучаемом феномене должна быть выделена (обнаружена, обозначена) определенная **научная** (познавательная) проблема.

Стоит заметить, что анализ материалов биографического фонда, как правило, привязан к той или иной определенной социологической проблематике. Так, К. Дивисенко подходит к анализу биографий школьников и их сочинений о будущей жизни с позиций аксиологии; Н. Цветаеву в биографиях интересуют проблемы идентичности и менталитета; автор этих строк обращался к биографическим текстам с позиций концепции «локуса ответственности» и группового взаимодействия. Поэтому задача построения теории как таковая и не ставилась. Но при этом большинство процедур «обоснованной теории», как показал, в частности, опыт К. Дивисенко, оказываются и полезными, и плодотворными.

Проблемы обоснования интерпретации

«Проблема надежности данных качественного исследования — наиболее уязвимая сторона этой методологии. <...> так как достоверных статистик валидности здесь быть не может» — считает В. Семенова¹⁶. Пожалуй, с ней можно согласиться и относительно «уязвимости», и относительно отсутствия «статистик валидности». Но в целом проблема надежности интерпретации качественных данных не представляется совсем уж безнадежной. Хотя идея триангуляции, без которой не обходится ни одна книга, посвященная качественным исследованиям, выглядит, на мой взгляд, не очень убедительно. Сам термин «триан-

¹⁵ Готлиб А. Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты. Самара: Универс-груп, 2004. С. 111.

¹⁶ Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998. С. 190.

гуляция» заимствован из геодезии*, в социологии же это не более чем метафора. Причем метафора, с моей точки зрения, не очень удачная.

Авторы книги «Качественные методы. Полевые социологические исследования» (СПб.: Алетейя, 2009) рассматривают следующие виды триангуляции:

- методов (использование и качественных, и количественных данных);
- источников качественных данных;
- аналитическая (параллельный «независимый» анализ);
- теоретическая (обращение к различным теоретическим конструкциям).

Сомнения по поводу первого из названных видов триангуляции сами авторы изложили довольно четко: «Этот процесс сравнения не всегда является прямым (точнее сказать, никогда таковым не является. — *О.Б.*), поскольку качественные и количественные методы отвечают на разные вопросы, и их ответы нелегко объединить, чтобы сформировать целостную картину социального мира. Впрочем, конфликты между двумя типами данных — скорее результат измерения разных вещей, хотя то, какой именно тип методов лучше выбрать не всегда очевидно»¹⁷.

Относительно другого типа триангуляции сомнения артикулированы также недвусмысленно: «Как и триангуляция методов, триангуляция источников данных редко ведет к одной единственной устойчивой картине. Самое главное — выявить различия и понять, почему они существуют. Тот факт, что данные наблюдений дают иные результаты, чем интервью, не означает, что один из этих методов сбора информации или даже оба из них негодны, хотя это не исключено. Вероятнее всего, это означает, что разные типы данных описывают разные вещи, и поэтому аналитику крайне важно понять причины этих отличий»¹⁸.

Пожалуй, лишь аналитическая триангуляция не вызывает серьезных сомнений. Она заключается в использовании нескольких наблю-

* Триангуляция [лат. *triangulum* — треугольник] — основной метод определения положения геодезических пунктов; заключается в построении на местности систем смежно расположенных треугольников, в которых измеряют длину одной стороны (базис) и углы, а длины других сторон вычисляют при помощи тригонометрических функций // Новейший словарь иностранных слов и выражений. Мн.: Харвест; М.: ООО Издательство АСТ, 2001. С. 813.

¹⁷ Штейнберг И., Шанин Т. и др. Качественные методы. Полевые социологические исследования. СПб.: Алетейя, 2009. С. 316.

¹⁸ Там же. С. 316–317.

дателей или аналитиков и, с одной стороны, обеспечивает проверку смещения при сборе данных, а с другой стороны, дает возможность проверить убедительность интерпретации данных. Этот вид триангуляции обеспечивает либо обнаружение принципиально множественной интерпретации того или иного фрагмента данных, либо консолидированную и аргументированную позицию аналитиков.

Несколько наивным выглядит предложение демонстрации полученных результатов респондентам и фиксации их реакций. Результаты, как правило, формулируются в концептуальных терминах, в рамках того или иного теоретического взгляда. Не исключено, что респондентам еще придется «переводить» эти результаты на простой русский язык, и тогда их реакция может оказаться даже положительной. Ну и что?

Четвертому виду триангуляции авторы посвятили всего один абзац, который, на мой взгляд, выглядит совсем не убедительно. Впрочем, судите сами: «Четвертый тип триангуляции включает использование различных теорий при рассмотрении одних и тех же данных. Ряд общих теоретических конструкций берет свое начало в различных интеллектуальных и дисциплинарных традициях. Например, наблюдения над группой, общиной или организацией могут быть интерпретированы с точки зрения Маркса или Вебера, с конфликтной или функционалистской позиций. Цель теоретической триангуляции — понять, как на результаты влияют различные предположения и фундаментальные предпосылки»¹⁹. Думается, что «предположения и фундаментальные предпосылки» никак не влияют на результаты. Последние могут лучше или хуже согласовываться с теми или иными теоретическими предпосылками. И, кроме того, выбор концептуального подхода (марксова или веберовского) к интерпретации данных зависит от того, как был определен предмет исследования и от того, что же является его (исследования) объектом. А если в каком-то аспекте разные теоретические позиции не противоречат друг другу или просто совпадают, то само понятие триангуляции здесь оказывается ни при чем.

Так что достоверность и обоснованность интерпретации в основном зависит от убедительности, непротиворечивости и воспроизводимости (качества) концептуализации первичных данных.

¹⁹ Штейнберг И., Шанин Т. и др. Качественные методы. Полевые социологические исследования. С. 317–318.

Организационно-технические проблемы Биографического фонда

Биографический фонд был задуман во время начального периода перестройки, когда пересматривались, переосмысливались не только многие идеологемы, но и исторические факты. Одна из идей фонда состояла в том, чтобы реконструировать «подлинную» историю и картину социального бытия россиян. Другая основополагающая идея фонда состояла в том, чтобы на его материалах изучать механизмы социально-культурных изменений²⁰.

Поначалу материалы поступали в фонд самотеком, затем мы стали проводить биографические конкурсы. Первый (по времени) конкурс не был жестко тематизирован. Характерно в этом отношении название конкурса: «Расскажите о своей жизни». Второй конкурс уже имел весьма определенную тематическую направленность. И хотя его название, вроде бы, нейтрально: «Гляжу в себя, как в зеркало эпохи», фактически он был адресован вполне определенной категории населения — тем, кто относил себя к так называемым «шестидесятникам». Следует заметить, что фактически этот «адрес» весьма жестко задал основную тематику биографических материалов, поступивших на конкурс — «оттепельный» мотив в них заметно доминировал.

Этот факт не прошел незамеченным и стимулировал рефлексию по поводу тематизации биографических повествований. Вспомним уже приведенную выше цитату из статьи В. Голофаства: «Ключевое значение имеет здесь инициатива исследователя и характер его влияния на содержание автобиографических текстов и материалов.²¹ Следующий конкурс также имел четкую тематическую ориентацию: «Жить в эпоху перемен».

С одной стороны, тематизация конкурсных материалов «приближает» нас к современности, а с другой стороны, создает определенный тематический «перекос». Это, казалось бы, естественный процесс, тем не менее, встает вопрос о более целенаправленном формировании «ре-

²⁰ (Примеч. автора). Я продолжаю пребывать в заблуждении, против которого активно возражал К. Муздыбаев, что одна из существенных особенностей социально-культурных изменений состоит в том, что они происходят весьма медленно. Настолько, что на протяжении жизни одного поколения их можно не заметить.

²¹ Голофаст В.Б. Концепции индивида и пространство биографий. С. 355–356.

пертуарной решетки» биографического фонда. Сегодня среди клиентов биографического фонда преобладают весьма пожилые люди, активная фаза жизни которых пришлась на начало или середину XX века²².

Кардинальные перемены, происходящие в стране, безусловно, имеют определенное социально-культурное содержание. И, чтобы «уловить» момент современных социально-культурных изменений, хотелось бы «омолодить» состав клиентов Биографического фонда. Совершенно сознательно при объявлении новых конкурсов (а недавно мы начали два новых конкурса «Я — петербуржец» и «Семейные хроники на фоне перемен») мы заявляем, что особенно нас интересуют биографии представителей послевоенных поколений и молодых людей, тех, кто родился уже в постсоветское время. В то же время в Фонд продолжают поступать материалы и самотеком, впрочем, самотек этот весьма условен. Дело в том, что наши «старые» клиенты поддерживают связи с фондом и время от времени приводят к нам новых, т. е. срабатывает принцип «снежного кома». В любом случае, стратегия комплектования и развития фонда остается одной из важных методологических проблем.

²² См. об этом подробнее статью К.С. Дивисенко в настоящем сборнике.